

ТВЕРСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 чиселъ. Цена годовому изданію безъ пересылки 4 р. 50 к. съ пересылкою 5 р.

1 АПРѢЛЯ 1882 Г.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей и у мѣстныхъ Благочинныхъ.

№ 7.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ. Высочайшее повелѣніе. — Опредѣленіе Святейшаго Синода — Распоряженія Тверскаго Епархіальнаго Начальства. — Епархіальныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

Высочайше утвержденное присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, разсмотрѣвъ поступившій въ оное вопросъ объ усиленіи состава приходскихъ причтовъ въ с.-петербургской и московской епархіяхъ, по журналу своему 1-го декабря 1881 года полагало: 1) въ с.-петербургской и московской епархіяхъ разрѣшить епархіальному начальству по его усмотрѣнію опредѣлять въ городскіе и сельскіе приходы, имѣющие постоянного народонаселенія не менѣе 1.000 душъ мужескаго пола, сверхъ положеннаго штатнымъ росписаніемъ состава причта, еще по одному диакону безъ жалованья отъ казны, но съ предоставленіемъ симъ диаконамъ пользоваться доходами и другими мѣстными средствами содержанія причта въ размѣрахъ, опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ 1-го марта 1880 г. постановленіемъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства для штатныхъ диаконовъ; 2) пре-

доставить Святейшему Синоду, по ходатайствамъ с.-петербургскаго и московскаго епархіальнаго начальства, разрѣшать, по особенно-уважительнымъ причинамъ, опредѣленіе діаконовъ, на изложенномъ въ 1-мъ пунктѣ, въ отношеніи содержанія ихъ, основаніи, а равно вторыхъ причетниковъ, и въ тѣ городскіе и сельскіе приходы с.-петербургской и московской епархій, которые, имѣя постояннаго народонаселенія менѣе 1,000 душъ мужскаго пола, доставляютъ своимъ причтамъ вполнѣ достаточныя средства содержанія; 3) опредѣленіе діаконовъ ко всемъ церквамъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ оставить на существующемъ основаніи.

Государь Императоръ, на журналѣ присутствія, въ 9-й день января 1882 года Высочайше соизволилъ написать собственноручно: «Исполнить».

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТЫЙШАГО СИНОДА.

Отъ 29-го января—4-го марта 1882 г. за № 210, о произнесении слова въ недѣлю о слѣдномъ вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 января 1882 года за № 308, о томъ, что предсѣдатель совѣта Маринскаго попечительства о слѣбыхъ проситъ содѣйствія къ подтвержденію епархіальнымъ преосвященнымъ о производствѣ въ текущемъ году разрѣшеннаго опредѣленіемъ Святышаго Синода, отъ 26 марта--5 апрѣля 1881 года, повсемѣстнаго въ городскіхъ и монастырскихъ церквахъ въ недѣлю о слѣбномъ сбора пожертвованій въ пользу означеннаго попечительства и о предложеніи священнослужителямъ произносить въ эту недѣлю соответствующее слово о значеніи сихъ пожертвованій не послѣ окончанія литургіи, когда значительная

часть Богомольцевъ уже оставляетъ церковь, а вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія, какъ это, по ходатайству попечительства, сдѣлано было въ минувшемъ году преосвященнымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ и нѣкоторыми преосвященными архіереями во вѣранныхъ имъ епархіяхъ. И, по справкѣ, приказали: Согласно ходатайству председателя совѣта Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать по духовному вѣдомству, чтобы установленное опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 26 марта—7 апрѣля 1881 года («Церковный Вѣстникъ» того года № 16) слово въ недѣлю о слѣпомъ священнослужителѣ произносили непремѣнно вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія. О чемъ для объявленія къ исполненію и напечатать въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ».

РАСПОРЯЖЕНІЯ ТВЕРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Тверская Духовная Консисторія слушала прошеніе священника Бѣжецкой Христорождественской церкви Николая Постникова, поданное имъ Высокопреосвященнѣйшему Саввѣ, Архіепископу Тверскому и Кашинскому, въ коемъ оный объяснилъ, что по устройству общежитія при Бѣжецкомъ Духовномъ Училищѣ, на основаніи постановленія съѣзда духовенства, бывшаго 1 и 2 сентября прошедшаго 1881 года, имъ Постниковымъ собраны всѣ возможныя свѣдѣнія, приобретенныя отъ архитектора г. Кузмина черновые чертежи съ объяснительною запискою, получено заявленіе купца Горохова о согласіи его продать свой весьма помѣстительный домъ для училища на одномъ изъ лучшихъ мѣстъ въ г. Бѣжецкѣ въ гигиеническомъ отношеніи имѣется въ виду низкое и вредное для здоровья мѣсто, на которомъ находится теперь училище, замѣнить другимъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ для устройства на немъ новыхъ зданій по проекту г. Кузмина и все вышеозначенное необходимо передать на обсужденіе и

рѣшеніе съѣзда духовенства. А потому онъ священникъ Постниковъ просилъ Его Высокопреосвященство о назначеніи съѣзда духовенства Бѣжецкаго училищнаго округа по дѣлу устройства при училищѣ общестита въ 27 число апрѣля мѣсяца сего года. На ономъ прошеніи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: «Согласно сему прошенію, назначается экстренный съѣздъ духовенства «Бѣжецкаго училищнаго округа на 27 число будущаго апрѣля. Консисторія немедленно учинить по сему зависящее распоряженіе». Опредѣлили: о содержаніи настоящаго прошенія священника Постникова и послѣдовавшей на ономъ резолюціи Его Высокопреосвященства дать знать чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія, духовенству, состоящему въ Бѣжецкомъ духовно-училищномъ округѣ, съ тѣмъ, чтобы оно въ избраніи депутатовъ на имѣющій быть экстренный съѣздъ духовенства Бѣжецкаго училищнаго округа на 27 число будущаго—апрѣля руководствовалось прежде бывшими предписаніями по созванію съѣзда. О чемъ увѣдомить (и увѣдомлено) правленіе Бѣжецкаго духовнаго училища отношеніемъ, съ тѣмъ, чтобы оно распорядилось избраніемъ мѣста для открытія съѣзда.

Саввы. Архієпископа Тверскаго и Кашинскаго,

Тверской Духовной Консисторіи.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Протоколомъ экстреннаго епархіальнаго съѣзда духовенства отъ 11 іюня прошедшаго 1881 года, мною утвержденнымъ, предложены слѣдующій очередной епархіальный съѣздъ въ текущемъ 1882 году на другой день послѣ недѣли всѣхъ святыхъ, т. е. на 24-е число мая.

Но поелику, съ одной стороны, въ томъ же мѣѣ мѣсяцѣ мѣѣ предстоитъ надобность, по не предвѣдѣннымъ тогда, а между тѣмъ неотложнымъ, епархіальнымъ нуждамъ, отправиться въ уѣзды Бѣжецкій и Осташковскій, изъ кановой повѣздки я не могу возвратиться ранѣе первыхъ чиселъ іюня; съ другой—не желательно за-

труднѣе и можетъ быть, замедлять дѣйствія епархіальнаго сѣзда своимъ отсутствіемъ изъ Твери: то вынужденнымъ нахожусь срокъ епархіальнаго сѣзда отложить до 7-го числа іюня.

Почему предлагаю Консистоіи дать о семъ во извѣстіе подвѣдомому духовенству чрезъ Епархіальныя вѣдомости и особыми указами о семъ благочиннымъ.

Определеніемъ Епархіальнаго начальства, состоявшимся 4-го сего марта, назначены новыя помѣщенія для епархіальныхъ свѣчныхъ лавокъ:

1) въ гор. Торжкѣ при Успенской церкви и 2) въ гор. Осташковѣ при Преображенской церкви.

Объ означенномъ новомъ помѣщеніи епархіальныхъ свѣчныхъ лавокъ въ гг. Торжкѣ и Осташковѣ Духовная Консистоія объявляетъ духовенству и церковнымъ старостамъ сихъ уѣздовъ, для свѣдѣнія, чрезъ припечатаніе въ Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Изъявленіе благодарности.

Правленіе Осташковского духовнаго училища, вслѣдствіе журнальнаго постановленія своего, утвержденного Высокопреосвященнѣйшимъ Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, симъ объявляетъ искреннюю благодарность отцу благочинному, Осташковского уѣзда погоста Прусовичъ священнику Теодору Страхову за его пожертвованіе по случаю своего юбилея 5% облигаціи восточнаго займа 1877-го года во сто рублей на устройство при семъ училищѣ общезжитія.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Священникъ погоста Березы Ржевскаго уѣзда Алексѣй Лебедевъ 4 марта сего года перемещенъ на праздное священническое мѣсто къ церкви села Воскресенскаго-Собакина Тверскаго уѣзда.

Бывшій псаломщикъ села Коровкина, Бѣжецкаго уѣзда, Павелъ Предтеченскій 5 сего марта опредѣленъ на праздное псаломщическое мѣсто въ село Орбхово, Зубцовскаго уѣзда.

Дяконъ села Андреевскаго, Бѣжецкаго уѣзда, Алексѣй Лебедевъ 25 февраля 1882 года, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто 4-го марта опредѣленъ бывшій ученикъ Алексѣй Носовъ.

Въ селѣ Ваюровѣ, Корчевскаго уѣзда, священническое мѣсто, за смертію священника Михаила Тихомирова, состоитъ празднымъ съ 26 января.

Псаломщикъ села Новоселья, Корчевскаго уѣзда, Иванъ Платоновъ 11 марта 1882 года удаленъ отъ должности, а на его мѣсто того же числа и мѣсяца перемѣщенъ исправляющій должность псаломщика села Данилова Сергѣй Тамаровъ, на мѣсто же послѣдняго 12 марта опредѣленъ воспитаникъ Тверской Духовной Семинаріи Григорій Троицкій.

Исправляющій должность псаломщика села Никольскаго-Тучевскаго, Бѣжецкаго уѣзда, Иванъ Кустовъ 11 сего марта, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто того же числа и мѣсяца опредѣленъ бывшій ученикъ Тверскаго духовнаго училища Иванъ Кустовъ.

Исправляющій должность псаломщика села Мѣдна, Новоторжскаго уѣзда, Федоръ Зеленевъ 1-го марта сего года померъ, а на его мѣсто 12-го марта опредѣленъ студентъ Виѣанской Духовной Семинаріи Алексѣй Доброправовъ.

Воспитаникъ Тверской Духовной Семинаріи Алексѣй Прутенскій 12-го сего марта опредѣленъ на праздное псаломщическое мѣсто къ церкви погоста Дубровскаго, Вышневолоцкаго уѣзда.

Редакторъ Протоерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою 1 апрѣля 1882 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 АПРѢЛЯ 1882 Г.

№ 7.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ: Слова и Рѣчи произнесенныя по Высокопреосвященнѣйшемъ Филоевѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ.

СЛОВА И РѢЧИ

произнесенныя по Высокопреосвященнѣйшемъ Филоевѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ.

(Изъ № 3-го Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей).

1. Слово Ректора Кіевской Духов. Семинаріи Архимандрита Виталія.

*Подвизомъ добрымъ подвизахся, течение
свѣтсконцазъ, свтру соблюдохъ и прочее и убо, соблюн
дается мнѣ, вѣнца правды, его же умова Госн
подъ любилъ Его (2-я Тимон 4, 7, 8).*

Такъ сказалъ о себѣ св. апостолъ Павелъ, взирая на конецъ своего земнаго поприща и въ виду ожидаемой

имъ впереди новой лучшей жизни. Не то же ли самое, братіе, можетъ сказать о себѣ и въ Бозѣ почившій нашъ архипастырь и отецъ, образъ котораго предъ нами теперь такъ живо предносится и такъ много напоминаетъ собою тѣ черты, въ которыхъ великій Апостолъ языковъ изобразилъ свои земные подвиги и труды? Къ крайней нашей горести, братіе, намъ уже теперь не услышать отъ нашего присвопаятнаго архипастыря ни сихъ, никакихъ либо другихъ утѣшительныхъ словъ, ибо онъ уже совершенно окончилъ свое земное поприще и отошелъ отъ насъ за тѣ предвѣтія, которыми прерываются всѣ земныя отношенія и изъ-за которыхъ болѣе не раздается человеческое слово. Но, братіе, тогда какъ уста нашего архипастыря заключились и слово его навсегда смолкло, мы имѣемъ предъ нами духовныя вѣщанія его не умирающія дѣла, которыя теперь такъ много говорятъ и не престанутъ говорить о немъ громче всякаго слова. Эти-то именно дѣла его не могутъ не побудить насъ къ тому, чтобы вмѣсто его самаго сказать намъ о немъ, что и онъ, слѣдуя примѣру Апостола, въ своей недавно окончившейся жизни добрымъ и правымъ житіемъ, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ; прочее уб, соблюдается ему вѣнецъ правды. его же уготовалъ Господь любящимъ Его.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что вся жизнь нашего почившаго святителя была не инымъ чѣмъ, какъ непрерывнымъ рядомъ подвиговъ христанскаго благочестія и безкорыстной, самоотверженной любви въ отношеніи къ другимъ? Кто не знаетъ, что среди мрака, распространяемаго ложною ученостію, при религіозной холлодности, навѣянной своекорыстнымъ духомъ времени, почившій архипастырь всегда являлся предъ взоромъ вѣрующихъ солнцемъ, освѣщающимъ умы и согрѣвающимъ сердца?

Въ последнее время образцы строгаго подвижничества, которыми богата история православной церкви, стали забываться въ обществѣ, даже въ нашемъ святомъ градѣ, гдѣ такъ много почиваетъ мощей святыхъ подвижниковъ, внимание къ этимъ образцамъ христіанскаго самоотверженія замѣтно ослабло во всѣхъ классахъ общества... А люди надменные своимъ умственнымъ развитіемъ и богатствомъ стихійной мудрости; не стѣснялись открыто заявлять, что подвижничество—достояніе времени минувшихъ и въ нашъ вѣкъ практическій не приложимо. И болѣею частью такія заявленія со стороны нѣкоторой части общества встрѣчали себѣ живое сочувствіе, такъ какъ въ нихъ кроется оправданіе и поощреніе страстямъ испорченной человѣческой природы. Но, смотря на почившаго архипастыря, каждый убѣждался, что онъ наглядно изобличаетъ собою всю ложь такихъ заявленій. Знаемъ, что онъ не выставилъ на показъ своего строгаго подвижничества, но довольно было взглянуть на него особенно во время его священнослуженія, чтобы убѣдиться, что онъ челоуѣкъ не отъ міра сего, что онъ всецѣло отвергнулъ себя и посвятилъ всего себя Богу. А такимъ дѣйствительно онъ и былъ неизмѣнно отъ юныхъ дней своей строгоподвижнической жизни. И всѣ видѣвшіе и сколько нибудь знавшіе его отъ мала до велика засвидѣтельствуютъ, необинуясь, что онъ истинный подвижникъ, что въ его лицѣ царилъ духъ подвижничества, которымъ прославились угодники Божіи, здѣсь почивающіе, и который завѣщали они себѣ святой обители на всѣ вѣка. А какъ могущественно онъ влиялъ своимъ подвижничествомъ на всю свою поству!..

Люди, мурдствующіе по стихіямъ міра, а не по Христу, будучи не въ силахъ отвергнуть высокое достоинство подвижничества, самаго въ себѣ, усиливаются по крайней мѣрѣ доказать, что съ нимъ не совмѣстно бла-

готовное служение обществу. Подвизникъ оторванъ отъ общества и заключенъ въ самомъ себѣ, говорятъ они; онъ не можетъ быть ни администраторомъ, ни судьею. Но кто не признаетъ, что нашъ почившій архипастырь, неусыпный стражъ стала Христова, самымъ дѣломъ доказалъ противное? Кругъ взвѣреннаго ему служения былъ весьма обширенъ. Кромѣ многочисленныхъ и многосложныхъ дѣлъ по управленію епархіею, онъ въ теченіи многихъ лѣтъ призванъ былъ заниматься дѣлами по высшему управленію всею Русскою церковію. И церковь Русская всегда въ лицѣ его, какъ твердаго носителя истиннаго Духа Христова, находила крѣпкіи ослоты для отраженія тлетворныхъ стремленій духа времени. И лица, близко стоявшіе къ нему, всегда ясно видѣли съ какимъ глубокимъ вниманіемъ онъ занимался каждымъ дѣломъ, какъ зорко слѣдилъ за исполненіемъ законовъ и рѣшеніи ихъ, какимъ былъ строгимъ блюстителемъ правды. Духъ подвижничества, которымъ онъ былъ проникнутъ, не препятствовалъ этой его дѣятельности, а еще оодегчалъ и оживотворялъ ее; ибо въ ней онъ находилъ подвигъ служенія Богу. Онъ явилъ въ себѣ образецъ самаго дѣятельнаго правителя и справедливаго суди. А какъ тѣсно душа его связана была съ обществомъ, какъ живо онъ сочувствовалъ его истиннымъ интересамъ? Онъ всегда сердечно радовался благу Отечества и глубоко скорбѣлъ при видѣ золь, поражавшихъ жизнь его. Онъ никогда не былъ безучастнымъ зрителемъ позднѣйшихъ ненормальныхъ явленій въ обществѣ и для блага его дѣлалъ съ своей стороны все возможное. Даже и во время своей болѣзни, забывая всю немощъ своей плоти, онъ не преставаъ съ пламеннымъ сердечнымъ чувствомъ высказывать предъ окружающими его свои задушевные желанія, чтобы вся паства его усилила молитвы за Царя и Россію.

Люди, оумудряюще по стихіямъ міра, а не по Христу, ожелая въяты быти, что ни стало устранить подвижниковъ отъ дѣлъ управленія и суда, заявляютъ, что подвизники на этомъ поприщѣ могутъ быть только строгими формалистами, или не умолимыми исполнителями буквы закона, что они не способны внимать нуждамъ человеческой природы и быти снисходительными къ ея неизбѣжнымъ слабостямъ; напротивъ будучи строги къ себѣ они усидиваются только возложить неудобноносимое бремя и на другихъ. Въ пять дѣлъ своей дѣятельности по управленію вѣренной нашему цесарю Архиепископу епархіи, онъ, благосердый, успѣлъ и въ этомъ отношеніи доказать противное. Подчиненные ему всегда видѣли въ немъ кроткаго и незлобиваго, любвеобильнаго и снисходительнаго отца. И онъ дѣйствительно никого изъ насъ не преогорчилъ, это всѣмъ намъ извѣстно. И объ этомъ безъ сомнѣнія всѣ знающіе его засвидѣтельствуютъ, особенно знаютъ объ этомъ обнаруживающія его гробъ довѣренными отъ него лица по разнымъ отраслямъ епархіальнаго управленія. И та область епархіальнаго управленія, которая ближе всего къ мѣ, также испытывала одни только благодати и останется при самыхъ благодарныхъ и свѣтлыхъ воспоминаніяхъ о немъ. Въ пять минувшихъ лѣтъ вѣренная мѣ здѣшняя Семинарія успѣла получить отъ него не мало милостей. Онъ всегда съ отеческимъ благоснисхожденіемъ относился къ учащимъ, входя въ ихъ нужды и удовлетворяя имъ по мѣрѣ возможности; онъ также отечески заботился и о нуждахъ учащихся, особенно о нуждахъ бѣдныхъ сиротъ, для которыхъ онъ успѣлъ исходатайствовать увеличеніе штата казеннокоштныхъ воспитанниковъ почти на цѣлую половину противъ прежняго; при чемъ простеръ свою заботливость и на улучшеніе вѣншей обстановки Семинаріи, соотвѣтственно ея внутреннему благоустройству и для этой цѣли успѣлъ испросить у высшаго начальства значительную сумму, и

вообще въ короткое время его святительскаго служенія у насъ, мы вполне свыклись съ представленіемъ о немъ, какъ о такомъ благопечительномъ архипастырѣ и отцѣ, который всегда готовъ дать покровительство, поддержку и поощреніе...

Вспоминая подвиги и труды почившаго святителя нашего, такъ далеко простирающіеся въ жизни и дѣятельности его отъ великаго и до малата, можемъ ли мы не прожигнуться скорбію и печалію о немъ, видя его окончившимъ свое земное поприще? Да, исполненные глубочайшей скорби, расстаемся мы съ святителемъ Божиимъ; намъ хотѣлось бы, чтобы онъ еще и еще оставался съ нами, руководя насъ по пути истинны и правды Божіей, оживотворяя насъ животворнымъ духомъ любви Христовой. Но судьбы Божіи неисповѣдимы, и мы должны принять ихъ съ полною покорностію и смиреніемъ. Нашъ доблестный архипастырѣ во гробѣ лежитъ бездыханнымъ; но съ нами остаются его безсмертныя дѣла, которые всегда будутъ служить намъ путеводною звѣздою къ достиженію истинныхъ цѣлей нашего земнаго странствованія. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что мы имѣли архипастыря-святителя, который былъ живымъ носителемъ благодати Божіей и не только потрудился на нивѣ Христова дѣланія. Онъ оставилъ намъ свой образъ, озаряющій намъ путь въ животъ вѣчный, — тотъ священный образъ, который всегда будетъ благотворно вліять на насъ и слава котораго никогда не померкнетъ въ своемъ благодатномъ величіи. Онъ оставилъ намъ образъ своей жизни, которая отъ юныхъ дней его была несеніемъ креста Господня, требующаго отъ насъ безкорыстной любви и всецелаго самоотверженія. Онъ соблюлъ вѣру Христову въ совершенной чистотѣ и святости, и соблюлъ ее до конца, *предъвъ вперенъ Господу и въ самой своей смерти.*

О, святителю Божій, въ Возѣ почившій нашъ архи-
настырь и отецъ! Блаженъ путь твой, въ оныя же идеши
отъ насъ Тебя ожидаетъ вънецъ правды, уготованный
отъ Господа любящимъ его. Удоваемъ, что Господь славы
скажетъ и тебѣ, какъ и всѣмъ любящимъ его: «Въ путь
узкій ходяшій прискорбный, вси въ житіи крестъ, яко
яремъ взявши, и Мнѣ послѣдовавши въроу, приидите,
насладитесь, ихъ же уготовахъ вамъ почестей и вънцовъ
небесныхъ». Не забудь же насъ въ своихъ молитвахъ у
престола Всевышняго: не преставай молиться Господу и
на небѣ, какъ ты всегда молился Ему и на землѣ за цер-
ковь Его святую, за Царя, за Россію. Просимъ тебя объ
этомъ усердно, владыко святой, особенно просимъ: по-
молись Всевышнему о томъ, чтобы образъ твоихъ свѣт-
лыхъ дѣлъ хоть сколько нибудь отражался въ нашей
жизни при настоящихъ соблазнахъ міра, чтобы мы мог-
ли доставить тебѣ въ возможность сказать предъ лицомъ
Всемірнаго Судіи: *Се азъ и дѣти мои, изъ же даль еси
милъ*. Аминь.

2. Слово Ректора Кіевской духовной Академіи Епископа Уманскаго Михаила.

Одинъ изъ іерарховъ древней вселенской церкви,
слагая слово въ честь другаго святителя, своего отца по
думу и учителя и друга, началомъ слова поставилъ слѣ-
дующія слова: „хвала *его* буду хвалить добродѣтель: ибо
одно и то же — наименовать *его* и носивалить добродѣтель“. —
Если бы и я теперь началъ твои же словами мое слово
о почившемъ святителѣ, не навлекъ ли бы на себя чьего-
либо осужденія въ пристрастїи, или упрека въ преувели-
ченїи?

Знаю, главная священная вещь, что если бы я при жизни твоей сказалъ предъ тобою и предъ другими о тебѣ такъ новое слово: твое глубокое смиреніе смутилось бы и властнымъ словомъ понудило бы умолкнуть мою рѣчь. Но не для тебя, отецъ нашъ и учитель, нужно слово хвалы: похвала твоя предъ Богомъ и въ Богѣ. Для насъ нужно слово о тебѣ, и благослови ради сего мое немощное слово. Притомъ же хвалою добродѣтели восхваляется Богъ, отъ котораго Единого въ людяхъ добродѣтель и которому Единому подобаетъ всякая хвала и слава и честь во вѣки вѣковъ.

Не осудите ли и не упрекнете ли меня въ за смѣлое повидимому сравненіе почившаго святителя сего съ прославленнымъ святителемъ древнимъ? Простите смѣлости, но не събитые осужденіемъ и упрекомъ. При долговременномъ наблюденіи мнѣ все казалось и кажется, что почившій святитель, вмѣстѣ съ родственнымъ ему по духу и добродѣтели учителемъ его и отцемъ, великимъ святителемъ Москвы Филаретомъ, были какъ будто люди не нашего вѣка, какъ будто взяты Богомъ изъ лика высокихъ святителей древней церкви и поставлены въ нашъ вѣкъ съ начертаніемъ: *такое же имъ подобаше архіерей*, — и любознательный, или, если угодно, только любопытствующій взоръ невольно останавливался при семъ на двухъ святителяхъ древней вселенской церкви. Ошибка ли, при страстіе ли въ семъ наблюденіи и сужденіи? Не думаю. Буду сидеть вѣчно на главѣ, достойную вѣнда, изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ добродѣтели, возложенныхъ на главу древняго святителя древнимъ іерархомъ, и вы увидите, достоинъ ли я упрека и осужденія за смѣлое, повидимому, сравненіе. Можетъ быть, окажусь достойнымъ

только сожалѣнія за неискusstvenное плетение, за то, что мое слово хвалы будетъ ниже восхваляемаго? Но учителямъ свиходительности, по примѣру хотя почившаго же святителя, котораго свиходительность къ другимъ равнялись развѣ только строгости къ себѣ.

Каждый преслѣдуетъ въ чемъ нибудь своемъ, а въ некоторыхъ и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей; но во всемъ никто не достигалъ совершенства безъ всякаго же сомнѣнія не достигъ никто изъ известныхъ намъ. На противъ того у насъ тотъ совершеннѣйшій, кто успѣлъ во многомъ, или и въ одномъ преимущественно. Такъ и оговаривается древній иерархъ, восхваляя восхваляемаго имъ святителя. Да, поднаго совершенства на землѣ нѣтъ и быть не можетъ; совершенъ здѣсь тотъ, кто достигъ по милости Божией, совершенства во многомъ, или даже въ одномъ. Дерзнетъ ли кто отрицать, что почившій святитель достигъ совершенства не въ одномъ, а во многомъ, очень во многомъ, и совершенства въ такой высокой степени, что для людей и хорошихъ но обыкновенныхъ, особенно въ нашъ вѣкъ, такое совершенство представляется достойнымъ удивленія и недостижимымъ для подражанія? Не думаю, чтобы кто сталъ стридать сіе. Легкомысліе и самомнѣніе и достойное порожденіе ихъ — здорѣніе и чесаніе языка едва ли кого либо изъ смѣтныхъ когда-либо оставили въ покоѣ; но примѣчаніе достойно, что если кого, то усопшаго святителя, злоязычіе касалось менѣе чѣмъ кого-либо. Такъ высокъ и чистъ былъ нравственный образъ святителя, что и всемогущее злоязычіе считало себя безсильнымъ и стыдилось много раскрывать ротъ и показывать языкъ.

Что прежде всего не могло не быть примѣтнымъ для всякаго, даже по одному его взышнему виду, это то, что

почивший былъ мужъ высокой подвижнической аскетической жизни, такой высокой, что невольно исторгаетъ удивленіе. Художественная кисть живописателя древняго иерарха изобразила намъ въ слѣдующихъ, между прочимъ, чертахъ аскетической образъ восхваляемаго имъ подвижника-святителя: его богатство — ничего у себя не имѣть и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя *дороже* многихъ стяжаній... Достоинъ удивленія (въ немъ) воздержаніе и довольство *малымъ*... Кто до такой степени былъ почти не вкушающимъ пищи и (не много будетъ сказать) безплотнымъ? Многоеденіе и пресыщеніе отринуть онъ и не находилъ великаго ни въ чемъ томъ, что пройдя чрезъ горлань имѣеть равное достоинство; но пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ, и одну звалъ роскошь — не имѣть и вида роскоши, взирая на Христа, обнищавшаго для насъ, чтобы обогатились мы божествомъ... Самую вкусную вечерню его и сибдоу служили хлѣбъ и соль, и трезвенное питье (вода). Этими же, или не оставляя этого, облегчать и врачевать свои недуги, было у него общимъ правиломъ любомудрія... Велики дѣвство, безбрачная жизнь, вчиненіе съ Ангелами, существами одинокими. Но кто же лучше его или дѣвство чтилъ, или предписывалъ законы плоти, не только собственнымъ примѣромъ, но и произведеніями трудовъ своихъ? — Довольно пока. Не чувствуются ли вамъ въ этомъ изображеніи древняго аскета-святителя знакомыя черты аскетическаго образа жизни почившаго святителя? Обладать многимъ и считать себя чуждымъ всего этого многого, какъ бы ничего не имѣющимъ, отдавая это многое немущимъ и нуждающимся, на безчисленныя дѣла благотворенія, на множество дѣлъ и предпріятій полезныхъ, и оставляя себя *малымъ* — какаго высота взгляда на блага земныя! Многое всегда для другихъ, себя же всегда малое:

мало хлѣба, мало рыбы, мало злаковъ и овощей, мало вина, и то только уживѣть преклоненіи лѣтъ для подкрѣпленія естественныхъ немощей старости, мало питія, потерявшаго уже силу лакомства и ставшаго потребностію и питіемъ даже бѣдныхъ, всего мало для себя, всего много для другихъ, — такая чистота христіанскаго воззрѣнія на благо міра! И это — *мало для себя* было правиломъ святителя съ юныхъ почти лѣтъ, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ дня въ день, непрерывно, неослабно, терпѣливо, тихо, съ миромъ, — какое постоянство и, такъ сказать, выдержанность христіанскаго духа, какое торжество господства духа надъ плотію? И все это — не по болѣзни тѣла, по обладавшаго здравіемъ, и не отъ недостатка, а при избыткѣ. Все это — вольный подвигъ свободнаго духа, рѣшившагося поработить себя совершенно, плоть, рабство ея со всеми ея страстями и похотями, по слову Апостола) Сколько для достиженія такой свободы духа и господства надъ плотію нужно было борьбы, терпѣнія, настойчивости, скорбей, лишеній, смущеній, сколько незримыхъ для міра слезъ, бѣднй, утружденія, молитвъ! Боже мой, какая высота!

Вѣкъ удобствъ, житейскихъ, вѣкъ комфорта, вѣкъ наживы, вѣкъ поклоненія золотому тельцу! Много ли найдется въ немъ людей, способныхъ имѣть такой возвышенный христіанскій взглядъ на вещи? Много ли способныхъ не только стремиться душой къ такому совершенству, но и серьезно подумать о немъ? Много ли желающихъ подражать ему и могущихъ рѣшиться на сія? Много ли наконецъ даже могущихъ *правильно исполнить* эту добродѣтель аскетизма? Не найдется ли даже умники, которые готовы покивать главами своими и поглумиться въ своей мнимой мудрости надъ подобнымъ самоотверженіемъ? Чего

добраго, можетъ быть, и найдутся, хотя вѣроятно и не очень многіе, потому что добродѣтель подвижничества въ такой силѣ, какъ у почившаго, все же и для нелюбящихъ подвижничества если не достолюбезна, то достопочтенна. Вотъ бы, по мнѣнію таковыхъ, если бы громкія общественныя дѣла; вотъ если бы громко кричали люди прогресса и т. д. и т. д., иное бы дѣло, мы преклонились бы, а то — личный аскетизмъ, созерцательная жизнь, келейные подвиги и т. п. — что въ этомъ особенно важнаго и великаго и даже полезнаго для общества, чтобы претвозносить подвижника, которому *правилось* такъ жить? Правилось личный вкусъ, — что важнаго и великаго и даже полезнаго! Препирательства съ такими взглядами, если они есть, конечно бесплодны. *Душевенъ человекъ не приемлетъ яже духа Божія*, сказалъ еще давно великій Апостолъ Павелъ: *яродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовно възпязуется* (1 Кор. 2, 14). Говорить съ глухимъ о мелодіи звуковъ и со слѣпымъ — о красотѣ цвѣтовъ неудобно. Но и душевный человекъ, кажется, не долженъ бы не понимать вотъ чего: подвижническая жизнь, особенно святителя, поставленнаго на высокомъ свѣщникѣ церкви, есть не только личный подвигъ, но имѣетъ глубочайшее общественное значеніе, — болѣе глубокое, чѣмъ иныя громкія дѣла міра, прославляемыя сынами міра. Праведный человекъ — это, по притчѣ Христовой, закваска міра, которая тихо, безъ шума, безъ треска, заквашиваетъ все тѣсто и тѣмъ даетъ ему вкусъ и питательность. Праведными людьми міръ стоитъ: ибо ими держится строй нравственный общества, безъ котораго строй внѣшній — тоже, что тѣло безъ духа. Сколько тысящъ и темъ людей направлялись къ добродѣтели, можетъ быть незамѣтно для себя, однимъ созерцаніемъ этого нравственно — возвышеннаго образа аскета-свя-

тителя, однимъ слухомъ объ этомъ великомъ подвижникѣ, однимъ благословеніемъ приятнымъ отъ него, одною бесѣдою съ нимъ, однимъ словомъ, слышаннымъ отъ него! — Кто скажетъ намъ объ этомъ? Скажетъ народное сознание, народное чутье, народный инстинктъ, выразившіеся въ глубокомъ почтеніи и благоговѣніи къ нему на всемъ пространствѣ необъятной Россіи. А общенародное сознание въ подобныхъ вещахъ не ошибается. Если въ чемъ вѣрно приловіе, что гласъ народа — гласъ Божій: то — въ подобныхъ проявленіяхъ народнаго чувства, еще хранящаго въ руцѣ благочестіе, какъ основу своей жизни, и чуткаго къ своимъ праведнымъ мужамъ. Но дозволю о семъ!

Вышнее есть проявленіе внутренняго: въ силѣ выражается сильное, въ слабости — слабое, въ возвышенномъ — высокое и т. д. Высокая подвижническая жизнь есть выраженіе высоты духовныхъ нравственныхъ совершенствъ. Въ человѣкѣ вѣчно борются два начала, по Апостолу — плоть и духъ: *плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть*. Аскетизмъ есть выраженіе торжества духа надъ плотію; чѣмъ выше подвижническая жизнь, тѣмъ полнѣе торжество духа надъ плотію и качество духа надъ стремленіями плоти. Если такъ, то у подвижника долженъ быть превосходный союзъ духовныхъ качествъ и свойствъ, такъ сказать, цѣлый свитокъ цвѣтовъ духовныхъ совершенствъ; прираженія же плоти и дѣлъ ея не должны въ немъ проявляться. Чѣмъ неоторимымъ и недопускающимъ преклоненія увѣрится намъ въ силѣ и красотѣ духовныхъ качествъ почившаго святителя? Кромѣ собственныхъ наблюденій, могущихъ имѣть и личный (субъ-ективный) характеръ, возьмемъ мѣриломъ слово неопотрѣшимое апостольское. *Дѣла плоти*, говоритъ оно, *извѣстны. Они суть*, кромѣ грубыхъ пороковъ, *нечи-*

стота, студодѣаніе, вражды, ревнія, завиды, прости, ражженія, распри, соблазны, зависти, и подобная сѣмъ (Гал. 5, 19—21). Въ какой степени все это и подобное препобѣждено почившимъ, — явно для всѣхъ. Не менѣе ясны и плоды духа, побѣдившаго въ немъ плоть, и составляющія прекрасное достояніе побѣдителя: *плоды же духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодѣ, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе*, на каковыхъ нѣсть закона (Гал. 5, 22—23). Я приступилъ бы предѣлы слова, если бы сталъ подробно изображать, до какой высокой степени проявились эти высшіе дары духа въ жизни и дѣятельности усопшаго подвижника святителя. Какой однако прекрасный свитокъ цвѣтовъ добродѣтелей, исчисленныхъ апостоломъ и обобщенныхъ святителемъ! И какъ велико было бы намъ взятъ себя хотя по одному изъ помянутыхъ цвѣтовъ!

И всѣ эти цвѣты распускались и всѣ эти плоды зрѣли въ глубочайшемъ смиреніи, сокровенности и тайнѣ *кроткаго и молчаливаго духа*. Впрочемъ, таковъ законъ духа: все великое и важное въ немъ растетъ и зрѣетъ въ смиреніи и сокровенности; иначе и быть не можетъ. Отрѣшеніе отъ плоти, сосредоточеніе въ духовномъ созерцаніи, духовное предстоаніе предъ лицемъ Господа всевѣдущаго и всеильнаго неизбежно поражаетъ смиренное сознаніе собственнаго ничтожества, безсилія, немощи. Но въ этомъ то и корень величія дѣлъ духовныхъ и обилія плодовъ духа, зрѣющихъ въ *нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа*. Этимъ они отличаются отъ громкихъ трескучихъ дѣлъ міра, нѣрѣдко имѣющихъ только видъ величія: у тѣхъ слава ввѣтрѣ, у этихъ — внѣ; тѣ прочны, вѣчны, — эти скоропроходящи; тѣ имѣютъ характеръ сокровищъ нетлѣнныхъ, по слову Христову, эти глб.

люди. — Живо сознавалъ это почившій труженикъ, и вотъ почему онъ такъ стремился стяжать и стяжалъ себѣ эту охрану всѣхъ добродѣтелей — глубокое и неліцемерное смиреніе, даже до самоуничженія, и сокровенность дѣланія духовнаго въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ.

Но, Боже мой, предо мною еще такое обиліе невыдаемыхъ цвѣтовъ его добродѣтелей, и что буду дѣлать? Брать ихъ по одному, — преступлю всякую мѣру слова; сократить слово, — согрѣшу предъ святителемъ и вами. Дни мнѣ мѣру, любитель и цѣнитель мѣры во всемъ (свойство мудраго); позволь сократить рѣчь о тебѣ, не любившій отягощать собою другихъ, но позволь и еще сказать слово правды о тебѣ, любитель правды.

Возвышенна эта любовь его ко храму Божію и неутомимость его въ священнодѣйствіяхъ церковныхъ, и глубокая назидательность которыхъ невольно поражала соучастниковъ его въ семь и молящихся съ нимъ, — поражала даже до того, что иногда нѣкоторый ужасъ и трепеть обнималъ душу при видѣ этой глубочайшей сосредоточенности его и духовной созерцательности. Древнія сказанія отъ праведниковъ, удостоившихся сослуженія Ангеловъ, приобщавшихся огню и во огни созерцавшихъ сошествія Духа Святаго на безкровную жертву, невольно иногда приходили на память. — Достолюбезно въ немъ это неустанное трудолюбіе, не оставившее для праздности ни минуты и непрестанно занятое дѣломъ до изнеможенія, даже до того, что отнимало время, необходимое для покоя изнуренной плоти. Презрасно это вѣчно ровное настроеніе душевное, даже при самыхъ сложныхъ, трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ. — Плънительно это незлобіе при видѣ нѣкоторыхъ слабостей и немощей человѣческихъ, не

отъ злости и злобы происходящихъ, — эта, выразимся такъ, гуманность въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова, безъ потячки злу. — Прекрасна эта обдуманность въ словѣ и рѣшеніи, эта осторожность и строгость въ сужденіи, въ словѣ, въ рѣшеніи, эта внимательность къ слову и дѣйствіямъ другихъ. — Прекрасна самая — молчаливость его, мужа мудраго и опытнаго духовно, молчаливость, говорившая иногда душѣ болѣе и сильнѣе, чѣмъ говорливость. — Преклонимся предъ этой строгостью его въ охраненіи всѣхъ интересовъ, касающихся православной церкви, предъ этой непреклонностью его въ соблюденіи всего церковнаго не только по духу, но и по буквѣ, предъ этой ревностью его по православію. — Прекрасна эта иудумчивость его въ каждое слово, въ каждое дѣло, въ каждое слышимое или читаемое имъ сужденіе, эта обстоятельность мысли и слова. — Достоинъ удивленія твердый взглядъ на людей и событія, умѣнье оцѣнить ихъ съ настоящей христіанской точнѣ зрѣнія, отличить хорошее отъ худаго и указать ту или другую сторону, на первый и неопытный взглядъ едва примѣтную, но существенную. — Преклонимся предъ этой независимостью взглядовъ и образа дѣйствій, для которыхъ единственнымъ основаніемъ были законъ и правда, какъ она понималась имъ. — Умилительна эта всецѣлая преданность его волю Божіей, чистая, дѣтская, особенно выразившаяся въ труднѣйшее время посланнаго ему Богомъ испытанія, время не краткое послѣдней борьбы его. — И что еще? Воспомните сами еще рядъ этихъ и подобныхъ высокихъ качествъ почившаго, а мы погонимъ слово къ концу.

Еще лишь нѣсколько живыхъ цвѣтовъ изъ вѣнка сплетеннаго древнимъ іерархомъ своему отцу и другу. — Ни къ чему не нужны были ему ничтожная честь, кото-

рая, проходить скорѣе разливающагося дыханія, и скоро-
гибнущая слава. Онъ не увлекался ничтожными и лживы-
ми грезами, которые какъ приходятъ одна за другою,
такъ и улетаютъ: не хваталъ онъ руками мимотекущей
потокъ, не ловилъ, какъ нѣчто твердое, тѣнь и не сжи-
малъ ее руками, не простиралъ длани къ туману и не
осязалъ егоя. Его лучшее богатство—Христосъ, который
непрестанно возносилъ умъ его горѣ.—Да, такъ и нашъ
святитель!—И еще крылатое слово древняго оратора:
еслибы кто былъ не говорливъ, не шутивъ, не охотникъ
до собраний и для многихъ не нравился тѣмъ, что не бы-
ваетъ всѣмъ вся и не всѣмъ угождаетъ,—что изъ этого?
Для имѣющихъ умъ не скорѣе ли онъ заслуживаетъ пох-
валу, нежели порицаніе? Развѣ иной станетъ винить и
льва за то, что смотритъ не обезьянкой, что у него и
поступь благородна, вмѣстѣ удивительна и пріятна? Но и
то сказать: кто былъ столько пріятель въ собраніяхъ,
какъ онъ (когда бывалъ)? Онъ могъ увлекательно бесѣдо-
вать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выго-
вора не доводить до наглости, и похвалы—до потачки, но
въ похвалѣ и выговорѣ избѣгать неумѣренности, пользо-
ваться ими съ разсужденіемъ и наблюдать время, по за-
конамъ Соломона, назначающаго время всякой вещи
(Еккл. 3, 1)

Таково тебѣ отъ меня слово, заключаетъ св. Григо-
рій Богословъ слово свое въ похвалу другу своему, кото-
раго называлъ и отцемъ и учителемъ, св. Василию Вели-
кому, въ день церковнаго празднованія которыхъ почилъ
о Господѣ оплакиваемый отецъ и учитель нашъ. Таково
тебѣ слово отъ меня, отча мой и учителю незабвенный.
Если бы я имѣлъ дерзновеніе и увѣренность, что въ этомъ
словѣ есть нѣчто достойное тебя: я сказалъ бы, что это

слово тебѣ, отъ меня и вмѣстѣ отъ высшаго духовнаго училища твоего, къ которому я ты былъ такъ милостивъ не по заслугамъ его, а въ силу проницательности земли Кіевскія, и отечески любимыхъ тобою. При еще большемъ дерзновеніи, я сказалъ бы, что слово это тебѣ отъ всей церкви и паствы страны Кіевскія, такъ глубоко тебѣ любящей и чтущей! Люби и ты ее и по смерти такъ, какъ любилъ при жизни, и молися человѣколюбцу Христу Богу нашему о еже спастися намъ твоимъ ономъ П—!

Мы же, отцы и братіе, вознесши теплыя молитвы о немъ ко Господу, да успокоитъ его въ селеніяхъ праведныхъ, не престанемъ, во свидѣтельство любви нашей къ нему постоянно возносить о немъ таковыя молитвы, въ которыхъ имѣютъ нужду и праведные мужи. Вмѣстѣ съ симъ будемъ чаще вызывать образъ его въ душѣ нашей; мы будемъ лучше отъ сего. Худо, если на насъ придетъ слово пророческое: *праведникъ (погибе и никтоже приимлетъ сердцемъ; мужіе праведніи берутся и никтоже разумѣетъ, яко отъ лица неправды взяся праведникъ* (Ис. 57, 1). Праведниками мръ стоитъ, по милости Господа, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

3. Рѣчь на едральнаго протоіерея П. Лебединцева.

Въ Бозѣ почившій Архиастръ и Отецъ!
Господь избралъ и поставилъ тебя свѣтильникомъ церкви Христовой. Не сокрылъ Онъ тебя въ уединеніи пустыннои, но Ему угодно было, чтобы ты стоялъ на высококомъ свѣщникѣ—на святительской кафедрѣ древней-

шихъ градѣвъ нашего отечества.— Не свѣтомъ мірской науки, не знаніемъ всего въ природѣ отъ кедрѣ до иссопа и отъ глубинъ моря до звѣздъ небесныхъ сіялъ ты среди пастырей и пасомыхъ, но ты просвѣщаль всѣхъ тѣмъ духовнымъ свѣтомъ, который желалъ видѣть въ своихъ ученикахъ и апостолахъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — свѣтомъ боговѣдѣнія, тѣмъ свѣтомъ духовной мудрости, которымъ славились древніе пастыри и учителя церкви, подвижники вѣры и благочестія. Никого не ослѣплялъ твой свѣтъ, никого не поражалъ онъ блескомъ своихъ лучей, но возбуждалъ, оживлялъ и назидалъ души, ищущія спасенія, возвращая въ нихъ все благое, содѣйствуя къ тому, да *совершенно будетъ человекъ на всякое доброе дѣло уготованъ.*

Богатно вселилось въ тебя слово Христово во *всякой* духовной премудрости, — оттого и всякое твое слово было *благое* — къ созиданію вѣры (Колос. 3, 16.), давая благодать слышающимъ (Еф. 4, 29.). Не высокая ты мудрствовалъ, но со смиреніемъ испытывалъ, *что есть воля Божія* *благая* *годная* *и совершенная*: оттого и мудрость твоя была не похожа на мудрость мірскую, но она была *мирна*, *кротка*, *благопокорлива*, *исполнена дѣлъ* *благихъ*. Уча словомъ, ты еще болѣе назидалъ примѣромъ своей благочестивой жизни, показывая вѣрнымъ въ себѣ *образъ* *жизни*, *любви*, *духомъ*, *вѣрою*, *чистотою* (1. Тимое. 4, 7—12).

Но ту же ли любовь, не ту же ли кротость, соединенную съ христіанскимъ терпѣніемъ, проявлялъ ты и въ управленіи ввѣренною тебѣ паствою, для блага коей не щадилъ ты слабыхъ силъ твоихъ? Поистиннѣ начальствованіе твое было для насъ *благимъ* *игомъ*: ты начальствовалъ не по страху, а духовно, кротко, отечески, не *жестомъ* *бія*, но вразумляя, исправляя, руководя и содѣйствуя,

Великимъ назиданіемъ для всѣхъ служило и твое благоговѣнное священнодѣйствіе. Сей древній храмъ—свидѣтель, съ какимъ благоговѣніемъ возносились тобою молитва и приносимы были безкровныя жертвы Господу на семь жертвенникѣ. Не умолчимъ и о томъ, что для многихъ глубоко поучительнымъ было и одно возрѣніе на свято-подвижническій ликъ твой, напоминавшій собою лики первоначальниковъ сей св. обители.

Такъ просвѣтился свѣтъ твой предъ челоуѣки! Вида твое искреннее благочестіе, высокое твое смиреніе, твою пламенную любовь ко Господу, они прославляли Отца Небеснаго, даровавшаго тебѣ такую благодать. Но, увы, какъ непродолжительно было сіе утѣшительное для всѣхъ служеніе твое среди насъ! Угасъ великій свѣтильникъ церкви, сокрылся отъ насъ свѣтильникъ, указывавшій путь въ царствіе небесное! Великая скорбь объемлетъ нынѣ Кіевскую паству. Чѣмъ же теперь могутъ утѣшиться скорбныя души?

Бываетъ въ видимой природѣ, что лучи заходящаго солнца не вдругъ оставляютъ пройденную имъ мѣстность, но, преломляясь въ воздушныхъ слояхъ, озаряютъ ее еще нѣкоторое время и послѣ того, когда дневное свѣтило перестаетъ уже быть видимымъ. Не вдругъ охлаждается и самая земля, согрѣтая солнечною теплотою въ теченіи дня. О еслибы и свѣтъ духовной твоей мудрости и твоего благочестія, усопшій о Господѣ архипастырь, сохранился сколько можно долѣе въ сердцахъ нашихъ и по твоемъ отшествіи отъ насъ! О еслибы и по преселеніи твоемъ въ небесныя обители не оскудѣвала въ твоей паствѣ та теплая любовь къ Господу Иисусу и ко св. церкви, высокій примѣръ которой являлъ ты въ своей жизни!

Да даруетъ Госнодь сіе утѣшеніе намъ, видѣвшимъ вечерній свѣтъ твоей жизни. Моли о семъ за насъ Господа, святителю Христовъ. Насъ же, твоихъ чадъ, прости и благослови.

4. Рѣчь студента Кіевской духовной Академіи А. Соколова.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Прости мнѣ великодушно, если мое неискusstное слово не сможетъ достойно восхвалить твоихъ духовныхъ совершенствъ и вполне выразить тѣхъ чувствъ, которыя наполняютъ сердца воспитанниковъ твоей духовной Академіи при твоёмъ гробѣ: ибо, въ присутствіи именитѣйшихъ іерарховъ церкви русской и толикаго множества досточтимыхъ іереевъ ея, невольно чувствуешь себя смущеннымъ, — и только безграничное благоговѣніе и восторженное удивленіе твоимъ высокимъ добродѣтелямъ нудитъ къ слову.

Святый владыко! Глубокою скорбію наполнила наши сердца вѣсть о твоей кончинѣ. Чутко и тревожно слѣдили мы за ходомъ твоей болѣзни; часто и горячо просили въ своихъ молитвахъ *Врача души и тѣлеса* воздвигнуть тебя отъ одра болѣзни. Но Всевышнему благоугодно было призвать своего праведника въ небесныя обители свои, и вотъ мы собрались здѣсь, теперь съ цѣлю въ послѣдній разъ поклониться твоему праху и въ часъ разлуки съ тобою выразить свою скорбь, — это движеніе нашего чувства, добраго, святаго: ибо имя ему — любовь. Движимые чувствомъ этой искренней любви къ тебѣ, мы держимъ надъ дорогими останками твоими, вызвать въ своемъ представленіи твой высоко нравственный образъ въ свое назиданіе.

Доблестнѣйшій архипастырь! Твое отшествіе въ блаженныя чертоги Отца Небеснаго окружило твой образъ въ нашихъ глазахъ ореоломъ святости, — твой образъ, на который еще при жизни твоей мы обыкли взирать съ удивленіемъ и полнымъ благоговѣніемъ, какъ на образъ великаго праведника и строгаго подвижника. Да и возможно ли было не благоговѣть предъ тобою, когда уже одно многолѣтнее и доблестное служеніе твое православною церкви, когда высокая и сложныя задачи неутомимаго святительства твоего, отеческая заботливость о внутреннихъ твоему бдительному надзору словесныхъ паствахъ и, наконецъ, ревностныя труды по управленію обширною митрополіею, когда, повторяемъ, уже одно это вызываетъ искреннее полное и благоговѣнное удивленіе къ тебѣ. Но не въ этомъ только заключалось твое высокое достоинство. Всѣ великія труды твои служили только видѣннымъ выраженіемъ внутреннихъ совершенствъ твоихъ.

Посвятивъ себя исключительно на высшее духовное служеніе Богу и на спасеніе ближнихъ, ты, св. владыко, былъ истинный пастырь словеснаго стада Христова, верный хранитель евангельскихъ истинъ и апостольскихъ праданій, истинный свѣтлукъ, поставленный Отцемъ Небеснымъ предъ челоуьки, и непрестанный молитвенникъ за русскій народъ. И отрадно было видѣть, что доблестныя качества пастыря православнаго, ставившаго его на высоту его великаго призванія, находили въ тебѣ лучшее выраженіе и примѣненіе: любовь и милость были у тебя живы и действительны. Какъ изъ богатаго рощника, въ обилии струились изъ тебя и другія многочисленныя влѣчи разнообразныхъ христіанскихъ добродѣтелей: самоотверженіе и кротость, престога и смиреніе, — вотъ въ чемъ выразилось твое истинное величіе! И это все съ паразитомъ

ною яркостью отражалось во внутреннем твоём видѣ: въ строгомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кроткомъ лицѣ, въ величественномъ, но уже изможденномъ и убѣленномъ стѣнами видѣ твоёмъ, а главное — въ величественной простотѣ, которая возбуждала къ тебѣ безпредѣльное уваженіе. Отраднo было видѣть, что ты, великій святитель Христовъ, всю жизнь заботясь о томъ, чтобы быть достойнымъ высочайшимаго Божіей и ни словомъ, ни дѣломъ не уронить своего высокаго сана, съ честію выполнилъ долгъ своего призванія: высоко держалъ знамя правителя цѣлвы Христовой. Пріемлю смѣлость, почившій архипастырь, упомянуть и о другихъ твоихъ добродѣтеляхъ.

— Проводя подвижническую жизнь свою въ строгихъ подвигахъ иноческаго благочестія, умеренности и постничества, довольствуясь лишь малымъ, избытокъ отъ своихъ средствъ ты посвящалъ на дѣла благотворительности, на пользу многихъ неимущихъ. Да и вся жизнь твоя, не обинуясь можно сказать, была непрерывный подвигъ самоотверженія на пользу церкви и отечества. Но и при полномъ христіанскомъ самоотверженіи, ты, въ глубинѣ смиреннаго сердца, сознавалъ одно лишь свое недостоинство, — и вотъ смиренная душа твоя изливалась въ усердной молитвѣ ко Творцу Небесному. Любя молитву и общественное богослуженіе, ты любилъ часто священнодѣйствовать, чтобы, предстоя престолу Отца Небеснаго, живѣе и глубже сознавъ свое недостоинство. Оттого священнодѣйствіе твое всегда пронизуемо было чувствомъ глубоко-религіознаго благоговѣнія; оттого каждое твое церковно-общественное служеніе производило на присутствовавшихъ неизгладимое впечатленіе и внушало къ тебѣ благоговѣнное почтеніе всякому, кто хотя одинъ разъ въ жизни видѣлъ тебя въ храмѣ Божіемъ. Но не мнѣ, приснопамят-

ный іерархъ церкви русской, не мнѣ недостойному перечислить всѣ твои высокія добродѣтели и апостольскіе труды на поприщѣ служенія церкви и отечеству: о нихъ свидѣлствуютъ предъ Пастыреначальникомъ, нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, именитые архипастыри Его церкви самымъ предстояніемъ своимъ твоему гробу. Я же, въ сознаниі неполноты своего слабаго слова, восполню его теплою и усердною молитвою къ Создателю и Жизнодавицу: да восприметъ Онъ праведную душу твою въ горніи обители Свой, въ сонмъ святыхъ Своихъ, *идѣже праведники упокоются.*

Да проститъ же мнѣ твое смиреніе, великій святитель Христовъ, что благоговѣнное уваженіе и глубокое удивленіе твоей святости повлекли мое слово къ изображенію высоко нравственнаго образа твоего, неподдающагося слабой кисти руки неискусной.

Поклоняясь тебѣ въ послѣдній разъ, смиренно молю тебя отъ лица воспитанниковъ твоей духовной Академіи быть непрестаннымъ молитвенникомъ за нашъ разсадникъ духовнаго просвѣщенія, за всѣхъ его питомцевъ и наставниковъ нашихъ. Миръ праху твоему, незабвенный архипастырь!

5. Рѣчь студента Кіевской духовной Академіи Иларіона Зилитинкевича.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!
— Шреклонивши свои головы предъ твоимъ прахомъ, стоятъ у твоихъ ногъ трое юношей. То — юности, сначала шедшіе разными путями, но послѣ встрѣтившіеся на одной

узкой и непроторенной тропинкѣ, чтобы другъ за другомъ продолжать по ней свой жизненный путь. Вся горести и радости, вся жизнь этихъ юношей тѣснѣйшимъ образомъ связана съ тобою. И однако, они, при видѣ твоихъ останковъ, не проливаютъ потоки жгучихъ слезъ, не слышатъ ихъ тяжелыхъ, надрывающихъ душу вздоховъ. Что-жъ это? Не жестокая ли безсердечность, не крайняя-ли дѣтская наивность мѣшаетъ зародиться въ душѣ ихъ и вновь проявиться вполне естественному чувству тяжкой скорби по дорогомъ усопшемъ? Отвѣтомъ на эти вопросы послужить краткій очеркъ выдающихся моментовъ ихъ жизни, все лучшее которой дано тобою, владыко святой.

Ближе другихъ двухъ юношей стоитъ у твоего гроба одинъ воспитанникъ «въ страхѣ Божіемъ». Его пути — пути во храмъ и школу. Ровно, тихо и невозмутимо течетъ его жизнь. Разъ только смущенный безбожными голосами, онъ переживалъ тяжелое состояніе сомнѣнія въ истинности избраннаго имъ пути. То былъ моментъ важный, съ рѣшающимъ значеніемъ, — моментъ, за которымъ следовало или полное, окончательное утвержденіе въ вѣрности своего пути, или печальное отклоненіе на путь противоположный. Но помнитъ онъ твой образъ, владыко святой, и въ немъ обрѣтаетъ свой якорь спасенія.

Непосредственно за этимъ юношкою стоитъ другой. То былъ мрачный сынъ мрачнаго отца. «Полный сомнѣнья, грустный, съ тоскою на сердцѣ» онъ нѣкогда умолялъ окружающую природу «разрѣшить ему жизни загадку и вѣчно тревожный вопросъ», — вопросъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Но она не вняла его горячей и пламенной мольбѣ. Напрасно несчастный ждалъ и томился, пока ты, владыко святой, своею жизнью не рѣшилъ ему этихъ гнетущихъ пытливаю душу вопросовъ.

За этим юношею стоит третій. То былъ «сынъ въса сего». Рожденный и воспитанный въ благотворнаго вліянія религіи, онъ и не испытывая силы окружающей природы, въ рѣшеніи гнетущихъ пылкую душу вопросовъ «не обвинаясь» сталъ на сторону послѣдней. Но кроткій твой образъ встаетъ передъ нимъ, — и юноша смущенъ. Онъ познаетъ силу новую, доселѣ ему неизвѣстную. Для него наступаетъ новая жизнь, — жизнь духа. Такъ тихо свершается обращеніе его (на путь истины).

Глубоко пораженные чувствомъ высокою любви къ тебѣ, эти трое юношей теперь пришли отдать тебѣ послѣдній долгъ. Они знаютъ тотъ путь, куда ты идешь, и потому не льются надъ твоими прахомъ ихъ безутѣшныя слезы, не раздаются раздражающія душу вопли отчаянія. Съ благоговѣніемъ они смотрятъ на тебя, желая на вѣки сохранить въ своей памяти дорогія имъ черты. Съ благоговѣніемъ они проводятъ останки твои и въ послѣдній разъ, незримо примутъ отъ тебя благословеніе на неутомное странствованіе по истинному пути вѣчной жизни, пока не соединятся съ тобою для жизни райской и небесной, по милости Господа и Спасителя.

6. Рѣчь профессора Кіевской духовной Академіи протоіерея А. Воскресенскаго.

Усопши Архипастыри и Отецъ, и мнѣ недостойному, меньшему изъ братіи, выпалъ высокій жребій отверсть свои уста при гробѣ твоемъ. Ты безмолствуй, но твоё молчаніе вышло всякаго краснорѣчія. Дай же мнѣ въ твоёмъ молчаніи найти предметъ слова, ответственнаго настоящему нашему положенію и душевному нашему настроенію.

— Ты безмолствуешь... но св. церковь влагаетъ въ безмолвныя уста твои столько словъ, что если бы мы душею и сердцемъ усвоили себѣ хоть нѣкоторую часть оныхъ для исполненія въ жизни, то оказались бы достойными учениками твоего, изъ гроба исходящаго, учения. Возьмемъ же, братіе, глаголамъ усопшаго архипастыря нашего, глаголамъ несомнѣнно его, но не живымъ глаголамъ, а отъ лица его выдаваемымъ намъ св. церковію:

«Се лежу, возлюбленни мои братіе, посредѣ всѣхъ молчаливъ и безгласенъ: уста упразднишася, языкъ преста, и уста прекнѣшася; рудъ связастся и нозѣ сплетостся, зракъ измѣнися, очи угасостъ, и не видятъ рыдающихъ, слухъ не приемиетъ печалующихъ вопли, носъ не ухаеетъ кадиальнаго благовоія; истинная же любовь никогда же умерщвляется. Тѣмъ же молю всѣхъ знаемыхъ и друзей моихъ, помните мя предъ Господемъ, яко да въ день судный обрящу милость на судищи ономъ страшномъ» [Стих. Сам. гл. 3. погреб. свящ.]. Итакъ прежде всего и главнѣе всего усопшій архипастырь нашъ приглашаетъ, проситъ и молить всѣхъ насъ знаемыхъ и друзей своихъ поминать его предъ Господомъ. Какое скромное желаніе, какая смиренная мольба! И безъ этого напоминанія, и безъ этой мольбы, мы, все мы, окружающіе гробъ сей, какъ духовныя дѣти своего архипастыря, по одному сыновнему долгу должны возносить сердечныя молитвы ко Господу, да обрящетъ онъ милость на судищи ономъ страшномъ. Къ прикорбію—въ жизни, въ практикѣ, бываетъ часто такъ, что даже дѣти забываютъ свой прямой долгъ въ отношеніи къ родителямъ. И если наставленіе усопшаго архипастыря, преподаваемое намъ отъ лица его св. церковію, можетъ показаться обыкновенною фразою, которая, какъ именно обычная фраза, не произведетъ дѣйствительнаго вліянія на наши сердца, то жизнь усопшаго архипастыря, та дѣятельность его, тѣ некраторчивыя, но всѣкія по своему глубокому содержанію рѣчи его, съ которыми онъ обращался къ имѣвшимъ счастье пользоваться его словомъ вразумленія и наставленія, должны вызывать отъ насъ слово благодарности въ той именно формѣ,

въ какую облачаетъ его св. церковь. Да, нашъ долгъ возносить искреннія, сердечныя молитвы объ успокоеніи души архипастыря въ селеніяхъ праведныхъ—за его истинно-христіанскую подвижническую ж.знь, которая, по мимо его вѣдома, представляла высочайшій образецъ для подражанія.— за его смиреніе и кротость, соединенную съ твердостью характера и отсутствіемъ всякаго личнаго произвола,— за его многознаменательное немногоглаголаніе, за то всегда полное жизни и силы. Усопшій архипастырь, какъ видно, помнилъ слова древняго мудреца: иной молчитъ, и сказывается мудрымъ, а иной бываетъ ненавистнымъ за многую болтливость. Мудрый человекъ будетъ молчать до времени, а тщеславный и безразсудный не будетъ ждать времени [Сирах. 20, 5. 7]. Такъ и усопшій архипастырь всегда любилъ молчать до времени, и если уже находилъ нужнымъ отверзать уста свои для слова, то изъ этихъ устъ выходили слова любви и правды: любви къ немощнымъ и страждущимъ, искавшимъ слова утѣшенія,—правды въ рѣшеніи дѣлъ, которыя подлежали его разсмотрѣнію. Какъ ближе знакомые съ ходомъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію усопшаго архипастыря, открыто можемъ засвидѣтельствовать, что слова его, или иначе говоря, рѣшенія его были всегда осторожны, осмотрительны и вполне законны. Такой образъ дѣятельности въ рѣшеніи дѣлъ и судебъ, подвѣдомыхъ смотрѣнію усопшаго, не есть ли назидательный и поучительный урокъ для каждаго, потому что каждый—или какъ глава семейства, или какъ членъ общества, или какъ служебный дѣятель могъ имѣть свѣдѣніе о служебной дѣятельности архипастыря, въ его дѣятельности высоко-образцовой находить примѣръ и наставленіе для своей жизнедѣятельности на всѣхъ поприщахъ, и потому обязанъ за это жизненное наставленіе по долгу благодарности возносить сердечныя молитвы объ успокоеніи души его.

Есть, братіе, еще дѣятельность, хоть не всѣмъ доступная, но всѣми зримая и всѣмъ желающимъ доставляющая наслажденіе, которое выше всѣхъ земныхъ наслажденій. Разумью совершеніе божественной литургіи. Кто присутство-

валъ, — а не присутствовать могъ только намѣренно уклоняющійся. — при частомъ совершеніи божественной литургіи усопшимъ архипастыремъ, тотъ не могъ не видѣть въ лицѣ его и во всѣхъ дѣйствіяхъ подобія тѣхъ великихъ архіереевъ Божіихъ, память которыхъ свято чтится всею церковью. Высокоподвижническое выраженіе лица, глубокой, сосредоточенный взоръ, благоговѣнное священнодѣйствіе, — все это взятое вмѣстѣ на всѣхъ присутствовавшихъ во св. храмахъ, въ которыхъ усопшій владыка приносилъ безкровную жертву, производило такое высоко-умилительное, назидательное впечатлѣніе, что всякій, испытавшій на себѣ силу этого великаго впечатлѣнія, если бы зналъ слова апостола, непременно говорилъ бы съ нимъ и повторилъ: *таковъ намъ подобае архіерей, преподобенъ и незлобивъ...* [Евр. 7. 26]. И вотъ — за эти то не столько словесные, сколько жизнедѣйственные уроки вразумленія и назиданія мы, по долгу учениковъ, должны, внемля голосу св. церкви отъ лица усопшаго, возносить свои молитвы ко Господу, чтобы Онъ за архипастырскіе подвиги усопшаго, въ назиданіе и наученіе нащѣ, воздалъ ему, какъ вѣрному дѣлatelyю въ вертоградѣ Божіемъ, мзду достойнаго дѣлателя, вѣрнаго раба, и призвалъ его внити въ радость Свою. Вѣримъ и уповаемъ, что имя почившаго архипастыря, какъ строгаго подвижника вѣры и благочестія и совершителя пренебесныхъ таинъ, будетъ жить въ памяти не только насъ — кіевлянъ и кіевской паствы, но и въ памяти всѣхъ лицъ, въ средѣ которыхъ почившій владыка совершалъ свое архипастырское служеніе и на которыхъ имѣлъ свое высоко-нравственное вліяніе, оканчивая оное лицами Богомъ хранимаго Царствующаго Дома.

«Воспоминаю вамъ, братіе мои, и чада и друзи мои, не забывайте мя, егда молитесь ко Господу: молю, прошу и миль ся дѣю, навѣкайте симъ въ память, и плачите мене день и ночь» [Амил. погребъ свящ.], снова взываетъ къ намъ усопшій архипастырь, взываетъ рѣчью скорбно-слезливою, — рѣчью недостойнаго грѣшника, имѣющаго мало надежды на милость Господа. Намъ представляется, что такой

тонъ рѣчи, такой скорбно-молитвенный гласъ какъ бы не свойственъ архипастырю, когда его высоко подвижническая жизнь, по нашему взгляду, даетъ ему право съ дерзновениемъ предстать престолу Всевышняго, когда онъ, по нашимъ понятіямъ, отходя изъ сей жизни, могъ сказать съ апостоломъ: *подвигомъ добрымъ подвизался, течеиъ скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ внѣшъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день оный праведный Судія* [2 Тим. 4, 7. 8]. Подтверждениемъ нашему мнѣнію могутъ служить послѣдніе дни и часы жизни усопшаго архипастыря, въ которые онъ, оставивши всякое попеченіе о земномъ, имѣлъ единственное желаніе жити со Христомъ, каковое и выразилъ неоднократно, благоговѣйнымъ приобщеніемъ пречистаго тѣла и крови Его. А мирная кончина архипастыря, при просвѣтленномъ взорѣ его и лицѣ ясно говорила окружающимъ его смертный одръ, что архипастырь нашъ отходить изъ сей жизни, какъ зрѣлая пшеница въ небесную житницу, что если не словами, то выраженіемъ лица своего онъ давалъ понять всѣмъ о томъ мирѣ душевномъ, съ какимъ отходилъ изъ сей жизни праведный Симеонъ Богопріимецъ. *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ*—эта предсмертная молитва праведнаго Симеона выражалась въ святыхъ взорахъ и въ просвѣтленномъ лицѣ нашего архипастыря,—и онъ заснулъ сномъ праведника. Чтоже, послѣ этого, означаетъ выше приведенная скорбная мольба, которую св. црковь влагаетъ въ уста усопшаго архипастыря? Это недоумѣніе наше разрѣшаетъ сама св. црковь, влагая въ уста усопшаго архипастыря слѣдующія многознаменательныя слова: «братій разлучаюся, друзей оставляю всѣхъ и отхожду. Камо убо иду,—не вѣмъ, или како имамъ быть, тако не вѣмъ». «Лукавый путь, имъ же отхожду, имъ же никогда же ходихъ, и страна она незнаема, идѣже никто же никакоже познаваетъ мя; многихъ тогда водителей потреба, многихъ молитвъ спутешествующихъ спасти душу окаянную, дондеже достигнути ко Христу» [Алмил. погреб. свѣщ.]. Итакъ разгадка нашего недоумѣнія состоитъ въ томъ, что какъбы человекъ ни былъ нравственно совершенъ, онъ не можетъ считать себя до-

стигшимъ въ міру возраста исполненія Христова; напротивъ всегда будетъ сознавать свое недостоинство предъ Всесвятѣйшимъ и, при полной вѣрѣ во всеискуплющія заслуги Господа, покрывающія грѣхи всего міра, не можетъ не ощущать въ душѣ своей страха за открывающуюся неизвѣстную будущность. Камо убо нынѣ души идутъ, како убо нынѣ тамо пребываютъ, желяхъ вѣдати таинство, но никтоже доволенъ повѣдати». Вотъ эта-то неизвѣстность, что каждаго изъ насъ встрѣтитъ по выходѣ изъ сей жизни, и составляетъ естественную и законную причину страха тѣмъ большаго, чѣмъ неизвѣстнѣе предстоящее намъ будущее. Несомнѣнно, что усопшій святитель вполнѣ понималъ ожидающее за гробомъ всякаго человѣка, потому и подвижился добрымъ подвигомъ, чтобы стать одесную престола Божія, въ сонмѣ благословенныхъ Отцемъ небеснымъ, но и онъ не могъ быть чуждымъ страха часа смертнаго — не по пристрастію къ земной жизни, а именно по смиренному нравственному самоуничуженію, по глубокому сознанію своей не вполнѣ надлежащей подготовленности стать съ дерзновениемъ, какъ достойному, предъ Всесвятѣйшимъ. Такой страхъ вполнѣ достоинъ искреннаго христіанина!

Съ другой стороны жизнедѣятельность святыхъ величайшихъ подвижниковъ вѣры и благочестія свидѣтельствуетъ о томъ, что чѣмъ выше становится подвижникъ вѣры и благочестія въ своихъ подвигахъ, тѣмъ болѣе просвѣтляется его духовное зрѣніе, тѣмъ глубже становится сознаніе недостижения нравственнаго идеала, нравственнаго преуспѣянія — быть совершеннымъ, якоже Отецъ небесный совершенъ есть, — тѣмъ глубже, при достоинствахъ, сознаніе своего недостоинства. Въ этомъ отношеніи молвеніе св. церкви отъ лица усопшаго архипастыря — плакать объ немъ день и ночь — выходитъ и весьма естественнымъ и вполнѣ справедливымъ. О, если бы и мы, по примѣ у усопшаго архипастыря, старались первѣе всего о преуспѣяніи въ подвигахъ добра и благочестія, старались быть христіанами не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, и за тѣмъ — при упражненіи въ добрѣ — сознавать свое нравственное недостоинство предъ

всесвятѣйшимъ Господомъ, и стремились восходить нравственно отъ силы въ силу, отъ одной добродѣтели къ другой, чтобы и для каждаго изъ насъ наступленіе часа смертнаго было вождельнымъ событіемъ—какъ исполненіе завѣтнаго нашего желанія—скорѣе разрѣшиться отъ узъ сей жизни и—затѣмъ со Христомъ жить.

Въ этомъ отношеніи самъ усопшій архипастырь нашъ преподаетъ намъ слѣдующее, глубоконазидательное наставленіе: «почто мене рыдаете люте, о человекъцы? Почто всуе матетеся?—Смерть есть всемъ успокоеніе. Отнюдуже гласъ Іова услышимъ глаголюща: смерть мужу покой есть» Блажен. погреб. свящ.]. Такъ, незабвенный отецъ и архипастырь, вѣруемъ твоему слову, что смерть мужу покой,—покой отъ здѣшнихъ житейскихъ хлопотъ и тревоженій, отъ здѣшнихъ невзгодъ, огорченій и страданій, и затѣмъ—всесовершенное, блаженное успокоеніе тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Но смерть—покой такому мужу, каковымъ былъ ты, доблестный архипастырь нашъ. Научи же и насъ, владыко, какъ и всемъ намъ содѣлаться таковыми мужами, чтобы и мы могли, подобно тебѣ, встрѣчать смерть съ радостнымъ лицомъ, какъ друга, вводящаго насъ въ другую, блаженную жизнь. По своей обычной скромности ты отвѣтишь намъ: единъ есть учитель Господь Іисусъ Христосъ, живите по Его заповѣдямъ, и Онъ даруетъ вамъ просимое вами благо. Вѣрно слово, и всякаго пріятія достойно; но бѣда наша въ томъ, что и при желаніи дѣлать угодное Богу, жить по закону Христову, мы часто не находимъ въ себѣ силъ къ исполненію своихъ добрыхъ желаній. Въ этомъ случаѣ позволяемъ себѣ обратиться уже къ тебѣ, архипастырь, съ сердечной мольбой. Какъ архипастырь нашъ, руководившій насъ при жизни, продолжи къ намъ свою любовь и по видимой разлукѣ съ нами, потому что духовный союзъ, связующій тебя съ нами, не прервался смертію. Какъ ты просилъ и просишь молитвъ нашихъ объ успокоеніи души твоей въ селеніяхъ праведныхъ: такъ и мы дерзаемъ просить тебя быть нашимъ молитвенникомъ предъ Господомъ: моли всеблагаго Спасителя о паствѣ твоей, о св. Лаврѣ сей, да

всѣ добрыя сѣмена; посѣянные въ нихъ, твоею высоко нравственною подвижническою жизнію возрастаютъ и принесутъ плоды для блага св. церкви и отечества нашего!

Не забудь, владыко святой, въ своемъ предстательствѣ предъ Господомъ и насъ смиренныхъ тружениковъ въ высочомъ святилищѣ христіанско-богословскаго образованія. Ниспосли намъ твое архипастырское благословеніе, каковы ты, нравственно-христіански-высокій богословъ, умѣлъ благословлять и оживлять насъ въ скромныхъ трудахъ нашихъ. Благослови, владыко святой, дабы чистота христіанскаго ученія великихъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и высоко-нравственное ученіе Ефрема Сирина и другихъ святыхъ Христовой церкви осіявали и нашъ вертоградъ духовной науки, осіявали не только теоретически, но и практически, чтобы изъ нашего духовнаго вертограда выходили не только учителя, но главнымъ образомъ творцы слова въ оживленіи и оживотвореніи духомъ непоколебимаго православія и православной земли русской.

«Жительствовавъ во благочестіи и украсивъ архипастырь [священникъ] твой Христе, жрецъ и приноситель Божественныхъ таинствъ, Твоимъ Божественнымъ повелѣніемъ преиде отъ житейскихъ молвъ къ тебѣ; его же Спасе, пріимъ спаси, и съ праведными упокой, его же пріялъ еси, великія ради твоя милости» [Погреб. свящ.]. Аминь.

7. Рѣчь Тверскаго протоіерея В. Владиславлева.

Почившій о Господѣ Іерархъ!

Любимая тобою и глубоко почитающая тебя паства Тверская во главѣ съ ея архипастыремъ послала насъ недостойныхъ поклониться до лица земли честному гробу твоему, въ которомъ мирно покоятся священные останки твои, и вмѣстѣ съ великою церковію Кіевскою вознести въ нынѣшній день въ этомъ святомъ храмѣ смиренныя молитвы объ упо-

коеніи души твоей въ обителяхъ небесныхъ; не отринь подвигъ любви, подвѣтаго во имя твое. Паства Тверская твердо вѣруетъ, онъ съ нею, безъ сомнѣнія, вѣрують и все истинные сыны церкви Россійской, что всесвятый и премилосердый Господь даруетъ тебѣ дерзновеніе и на небѣхъ предостоять престолу Его, какъ ты предостоялъ здѣсь на землѣ! О, воздвигни тамъ преподобныя руки твоя, вмѣстѣ съ почившими великими Іерархами Всероссійскими, и особенно соимными угодниками Божиими Киевскими, о Благочестивѣйшемъ Государѣ, о мирѣ и спасеніи всего народа русскаго, о великой паствѣ Киевской, о любимой тобою паствѣ Тверской и о насъ недостойнѣйшихъ. И если богоспасаемый градъ Кіевъ самымъ мѣстомъ въчнаго твоего покоя будетъ немощно повѣдать о тебѣ всему народу рускому, какъ о тепломъ моимътвенникѣ за насъ, какъ объ истинномъ преемникѣ св. Апостоловъ и учителей церкви, то и паства Тверская съ любовью и радостію раздѣлитъ этотъ великій подвигъ повѣданія о тебѣ; потому что девятнадцатилѣтнее твое служеніе на Тверской кафедрѣ оставило много неизгладимыхъ слѣдовъ истинно-апостольскаго твоего служенія церкви Божіей, потому что для кафедры Киевской, на которой ты процвѣлъ яко кринъ, ты уготовлялся на кафедру Тверской, и потому что чистая душа твоя соединила всѣхъ чадъ, въверенныхъ тебѣ отъ Господа паствѣ, въ единое великое семейство, истинно тобою любимое и истинно тебя любящее.

8. Рѣчь намѣстника Кіево-Печерской Лавры Архимандрита, Иларіона.

Незабвенный святитель нашъ!

Еще одна минута, — и ты изыдешь изъ храма сего и никогда уже не увидишь въ тѣни; не станешь, какъ Ангелъ Божій предъ симъ сватымъ Престоломъ, и не увидишь мѣ болѣе здѣсь твоего богосвѣтлаго лица. Изыдешь не на покой твой, куда мы тебя провожали, а въ тѣбѣ устроенъ другой покой, въ который мы на раменахъ своихъ внесемъ твои драгоценныя останки.

Мрачно это покое для других, но не для тебя. Место твоего новаго покоя давно освящено великими подвигами преподобных, давно озарено свѣтомъ благодатныхъ дарований, куда внесешь и ты свѣтъ твоей вѣры, пламень любви, высоту твоей свято-подвижнической жизни.

Одинокими лежатъ въ могилѣ усопшіе, но ты, отецъ нашъ, не будешь тамъ одинъ. Тебя ждетъ незабвенный для города Кіева святитель, присноблаженный Филаретъ, съ которымъ ты возляжешь. Съ Тобою тамъ будутъ святые и преподобные отцы пещерскіе: Антоній, Поликарпъ, Варлаамъ, Никонъ, Несторъ Лытовисецъ, святые отцы епископы — Меркурій, Симонъ и Евремъ и другіе преподобные, житію которыхъ ты подражалъ, и, подобно имъ, былъ для всѣхъ образъ: вѣрою, любовію, кротостію, смиреніемъ, чистотою, незлобіемъ, строгимъ воздержаніемъ. Какое свѣтлое место твоего покоя въ землѣ! Оно лучше всякихъ чертоговъ, и какіе видимъ на землѣ. Какіе дивные обитатели тамъ! Вѣка проходятъ, а память ихъ идетъ въ родъ и родъ, тыслелѣтія минуть, а они — все будутъ живы въ своихъ нетлѣнно почивающихъ и чудодѣйствующихъ гробницахъ. Таковъ новый покой твой, дорогой нашъ архипастырь, таковы новые твои сообитатели!

А душа твоя?... О, она несомнѣнно тамъ — въ селеніяхъ Святыхъ, въ ликѣ праведныхъ и преподобныхъ. Она давно жаждала своего покоя на небѣ и отражала въ твоёмъ лицѣ полную отрѣшенность отъ міра сего, такъ что многіе, взирая на тебя, говорили: «онъ совсѣмъ не принадлежитъ землѣ». Но въ тяжкомъ восьмимѣсячномъ недугѣ, ты вполне дозрѣлъ, какъ пшеница для житницы небесной. — Бывало скажешь тебѣ: «надѣмся, что Богъ услышитъ молитву церкви объ изцѣленіи»... Ты всегда отвѣчалъ: «помолитесь лучше, чтобы Господь скорѣе взялъ меня». Случалось говорить: «вѣрно Господь по любви Своей возложилъ такой крестъ, для наслѣдія

(*) Въ усыпальницѣ Филарета, какъ бы предвѣщательно оставлено свободное мѣсто для одного гроба.

(**) Почивающіе на ближнихъ пещерахъ, вблизи означенной усыпальницы.

вѣчнаго блаженства. Онъ ты опять отвѣчаешь, что не достоинъ
 сего правосудіе Божіе зрѣть невѣдомыя намъ грѣхи! судитъ
 и помышленія наши. Не объ этомъ ли очищеніи невѣдомыхъ
 согрѣшеній и скорбѣшемъ преселеніи въ вѣчную жизнь
 ты въ послѣдніе два мѣсяца молился по пяти и болѣе часамъ
 утромъ и вечеромъ? Прости меня, отче святыи ежели по-
 вѣдаю, что и въ полночи видѣли иногда тебя, стоящимъ въ
 молитвѣ, на колысцѣхъ тогда какъ ты не могъ прегибать подъ
 ломленной ногой. Не была ли эта сокровенная молитва
 твоя за насъ грѣшныхъ? За весь православный міръ, за
 Благочестивѣйшаго Государя, о которомъ ты такъ часто го-
 ворилъ, особенно въ первый періодъ твоей болѣзни, и такъ
 сильно внушалъ болѣе молиться о Царѣ и Царствующемъ
 Домѣ? Не достаточно вѣрно было для тебя подвига молитвеннаго
 твоего и ты на немощное, изболѣвшее тѣло твое возложилъ
 добрый, очистительный постъ девятнадцати послѣднихъ дней
 не вкушалъ ты ни какой пищи. На наши убѣжденія и прось-
 бы — подкрѣпить себя немного, ты отвѣчалъ: «не могу де-
 перь важнее! для меня дни». Дѣйствительно, важны! Ты
 одинъ видѣлъ, что скоро придетъ вѣсникъ твоего преселе-
 нія въ вѣчность, и онъ пришелъ въ знаменательные для те-
 бя дни: 15-е января ты вспоминалъ день твоего рожденія
 въ міръ, 28-е — день благодатнаго возрожденія въ купели кре-
 щенія, а 29-е — новый день рожденія для вѣчности. Утромъ
 этого дня съ какою радостію ты принялъ пречистое тѣло и
 кровь Господа Иисуса Христа; съ какою любовію лобызалъ,
 потомъ Спасительную чашу, св. Крестъ и Евангеліе! Онъ
 ступалъ уже послѣдній шагъ. Но не было никакихъ при-
 знаковъ скорой кончины. Ни стона не слышно, ни страда-
 ній предсмертныхъ не видно было. Ты не сошелъ съ тво-
 его жесткаго ложа, не сослекся даже одежды, въ которой
 всегда видѣли посѣщавше тебя. При чтеніи духовникомъ
 исходныхъ молитвъ, душа твоя безболѣзненно, тихо, мирно,
 свято отошла къ Господу. Тѣло осталось въ прямомъ поло-
 женіи, съ крестообразно-сложенными на персяхъ руками,

(4) Нога повреждена въ концѣ Іюня мѣсяца и врачъ не нашадъ воз-
 можнымъ ее исправить.

какъ видимъ: теперь, во гробѣ на лицѣ полное спокойствіе, уста какъ бы говорили: «слава Богу».

Дивна кончина твоя, святитель Божій. Такъ умираетъ только праведникъ; онъ одинъ пребываетъ въ покоѣ, когда и скончается. Честна смерть твоя предъ Господомъ!

Не потому ли, отецъ нашъ такъ легко намъ у гроба твоего, какъ легко бываетъ у гробовъ праведниковъ? И слезамъ льготой, но небогаченныя, а облегчающія душу, какъ бы въ молитвѣ предъ Богомъ. Мы будто не погребаемъ тебя, но торжествуемъ твое отшествіе на высшее, преебесное служеніе. Молись о насъ тамъ, святителю Божій, изъ нашего сердца, никакое время не изгладить твоего свѣтлаго образа. Вотъ и выкинула гробъ твою отъ города Кіева, какъ символъ вѣчной о тебѣ памяти Кіевской паствы и всего православнаго народа.

Благослови же, владыко святой, поднять твое крестоносное тѣло и перенести въ Крестовоздвиженскую церковь къ тѣлесамъ преподобныхъ.

9. Рѣчь студента Академіи И. Стефановскаго.

Вѣчная память тебѣ, досточтимый святитель и отецъ нашъ!

Жизнь твоя, весьма поучительная и полезная для духовныхъ чадъ твоихъ, вѣчно будетъ жить въ сердцахъ и устахъ нашихъ, поучать насъ и располагать къ благочестію!

Предъ гробомъ твоимъ держаемъ въ послѣдній разъ обратиться къ тебѣ: прими отъ насъ послѣднее обращеніе, досточтимый святителю!

Не похваля расточать, собрались мы сюда. Не нуждается въ нихъ почившій отецъ нашъ теперь, какъ не искалъ ихъ и при жизни; хваза его нынѣ у Господа славы. Не о славѣ земной онъ заботился, но постоянно душею болѣлъ о ближнихъ своихъ, его сердце исполнено было самой горячей, искренной и христіанской любовью къ своимъ пасомымъ. Онъ зналъ свою паству, любилъ ее, какъ любилъ и весь русскій народъ: нужды народа были его нуждами и скорби народа — его скорбію.

Если нужны примѣры, братіе, то зачѣмъ далеко искать ихъ! У кого не живетъ еще въ памяти недавно случившееся событіе — страшное, потрясшее всю Россію, ужаснув-

нее всѣхъ вѣрныхъ ея сыновъ! Монархъ нашъ въ Божь почившій, палъ отъ измѣннической руки нечестивцевъ!

Сильно была опечалена земля русская, не одинъ вѣрный сынъ отечества пролилъ обильныя слезы, но кто былъ такъ тяжело пораженъ этимъ ударъ мъ, какъ тотъ, съ кѣмъ мы расстаемся теперь въ сей жизни на вѣки?

Онъ ясно выдѣлъ всю важность этого несчастія, ясно созердалъ всю нравственную испорченность насъ — легко увлекающихся юношей, изъ среды которыхъ къ несчастію вышли злодѣи.

Событіе это такъ сильно потрясло душу святителя, всегда желавшаго покоя и мира всѣмъ, что гармонія его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ была нарушена, связи его и безъ того уже слабаго организма были разшатаны, къ этому присоединились, можетъ быть, еще и другія намъ не извѣстныя скорби — и вотъ теперь вы видите печальныя послѣдствія: онъ во гробѣ, бездыханенъ, не учитъ среди насъ, и ужъ никогда не услышимъ мы больше его теплыхъ словъ увѣщанія или наставленія.

Смотрите, братіе, святитель не перенесъ горя русскаго народа, за всѣхъ насъ онъ страдалъ и всѣмъ намъ молить прощенія у Господа Бога. Не свидѣтельствуетъ ли это о чистой, пламенной, высокой христіанской любви къ ближнимъ, полагающей душу свою за други своя?

Но, буди благословенъ мучителю благи! Радуйся же добрый наставнице, такъ какъ и въ успеніи твоёмъ ты наставляешь на путь истины и добро!

При жизни твоей тобою насъ яны въ сердцахъ нашихъ добрыя сѣмена вѣры и божественной любви: молися же, святителю, о насъ предъ престоломъ Всевышняго Бога, да возраститъ и укрѣпитъ Онъ въ насъ насажденіе твое, а не раскаянныхъ и заблуждающихся поставитъ на путь вѣры и правды, да пролетъ милость Свою на людей своихъ и на народъ свой и спасетъ погибшихъ.

Молися о насъ, святителю нашъ, и благословенно буди имя твое во вѣки. Аминь.

Редакторъ Протоіерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою. 1 апрѣля 1882 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.